

А. В. Махлаук

РОЛЬ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА ПОЛКОВОДЦА В ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ ВОЕННОГО ЛИДЕРСТВА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Командование войсками в любую историческую эпоху по самой своей природе представляет собой исключительно многогранную деятельность, которая требует от военного лидера разнообразных морально-волевых качеств и интеллектуальных способностей, широкой компетенции, различных специальных познаний и умений. Очевидно, однако, что содержание и соотношение тех или иных конкретных компонентов в деятельности и личности полководца, их оценка в обществе не остаются неизменными, но варьируются от эпохи к эпохе, от одного социума к другому, завися от очень многих факторов. Даже такие, казалось бы, универсальные качества военачальника, как личная храбрость, рассудительность, авторитет, компетентность и т.д., по-разному понимались, оценивались и проявлялись у разных народов.

К числу такого рода качеств относится и ораторское искусство. Его значение как важнейшего инструмента морально-психологического и морально-политического воздействия на войско всегда было исключительно велико, а умение оказывать влияние на подчиненные войска искусной, непосредственно к ним обращенной речью, убеждая и воодушевляя их, являлось неременной чертой образа выдающегося военачальника у многих народов. Вместе с тем важно обратить внимание на конкретно-историческую специфику этой стороны военного руководства, обусловленную в конечном счете общими особенностями и социокультурными традициями той или иной цивилизации.

Не подлежит никакому сомнению, что ораторские способности полководца имели особое, по сравнению с другими обществами прошлого, значение в древнем Риме. Это верно уже потому, что «римская цивилизация – это цивилизация вербальная, и слово в ней занимает большое место»; в ней «все начинается с речи, и война не исключение из этого правила»¹. В этом убеждает прежде всего тот общеизвестный факт, что в сочинениях античных историков, повествующих о военных событиях и деяниях военачальников, имеется огромное количество полководческих речей, прямых или косвенных, пространных или кратких. Произносимые по разным поводам и с различными целями, на военном совете или на солдатской сходке, обращенные ко всему войску либо его отдельным частям во время торжественной церемонии или же на импровизированном собрании, до или после сражения, они более или менее органично вписываются в контекст военных реалий и в общий строй повествования, решая, в зависимости от авторского замысла, различные конкретные за-

¹ *Ле Бокз Я.* Римская армия эпохи Ранней империи / Пер. с франц. М., 2001. С. 87, 212–213.

дачи. Не менее многочисленны в трудах античных авторов и указания на сам факт разного рода ораторских выступлений военачальников перед воинами. При чтении греческих и римских исторических трудов может даже создаться впечатление, что ораторские функции занимают в практике повседневного и боевого руководства войсками едва ли не центральное место, преобладая над многими другими аспектами деятельности полководца. Разумеется, в абсолютном большинстве случаев все эти речи военных вождей, как и речи других персонажей, являются фиктивными, сочиненными древними историками по всем правилам риторического искусства, и вводятся они в ткань повествования в соответствии с общими жанрово-стилистическими и идейно-методологическими установками греко-римского историописания.

Как неотъемлемый и очень значимый компонент историографического жанра речи, в том числе и произносимые полководцами перед битвой, уже неоднократно были предметом специальных исследований². Число же работ, посвященных речам полководцев как фактору практического руководства войсками, сравнительно невелико. Так, Дж.Б. Кэмпбелл, рассматривая роль императора как военного лидера, затронул и вопрос об императорских выступлениях перед войсками (*adlocutiones*) и отметил, в частности, что такого рода обращения, организуемые обычно по значимым поводам как торжественное и престижное мероприятие, составляли часть традиционных обязанностей императора и служили необходимым и достаточно эффективным средством упрочения его персональных связей с солдатами, демонстрируя его власть и военную компетентность. Ставя вопрос о реакции самих солдат на императорские *adlocutiones*, английский исследователь – ввиду отсутствия в источниках прямых свидетельств – ограничивается только предположением, что, хотя, возможно, воины и считали эти речи надоедливými и стереотипными, такие выступления были сравнительно немногочисленны и поэтому личное появление императора могло производить достаточно сильное впечатление на простых солдат и давало великолепную возможность для проявления у них чувства гордости и корпоративного духа³.

Можно выделить также монографию Ф. Пина Поло, в которой подробно рассмотрен порядок созыва и проведения войсковых собраний (*contiones militares*), дана типология их важнейших функций, связанных с поощрением и наказанием воинов, началом и завершением кампаний, передачей информации, политической ролью армии и т.д. Прослеживая развитие данного института в Риме от эпохи царей вплоть до императорского времени, автор дает ценную сводку фактического материала, однако почти не касается вопроса о характере и практическом значении самих полководческих речей, степени их воздействия на солдат, отмечая, что источники, хотя и сообщают о большом количе-

² В целом о значении речей и риторики в античной историографии см., например: *Albertus J. Die Ποράκλητικόν in der griechischen und römischen Literatur*. Diss. Straßburg, 1908; *Walbank F.W. Speeches in Greek Historians*. Oxf., 1965; *Woodman A.J. Rhetoric in Classical Historiography*. London – Sydney – Portland (Oregon), 1988; *Кузнецова Т.И. Историография и риторика: Речи в «Истории от основания Рима» Тита Ливия // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы*. М., 1989. С. 203–228. Из специальных исследований о речах полководцев можно указать: *Luschnat O. Die Feldherrnreden in Geschichtswerk des Thucydides*. Lpz, 1942; *Leimbach R. Militärische Musterrhetorik. Eine Untersuchung zu den Feldherrnreden des Thucydides*. Wiesbaden, 1985; *Murphy T. The Use of Speeches in Caesar's Gallic War // CJ*. 1949. 45. P. 120–127; *Glücklich H.-J. Rhetorik und Führungsqualität – Feldherrnreden Caesars und Curios // Der altsprachliche Unterricht*. 1975. Bd 18. Ht 3. S. 33–64; *Черняк А.Б. Тацит и жанр парных речей полководцев в античной историографии // ВДИ*. 1983. № 4. С. 150–162.

³ *Campbell J.B. The Emperor and the Roman Army: 31 BC – AD 235*. Oxf., 1984. P. 71–88.

стве *contiones*, предваряющих вступление в битву, стоящей информации дают немного⁴.

Сравнительно недавно к вопросу о практическом значении речей полководцев обратился М.Х. Хансен⁵. В противоположность мнению большинства исследователей он вообще поставил под сомнение сам факт обращения полководцев с речью к войску перед началом сражения и пришел к выводу, что имеющиеся в произведениях античных историков полководческие *adhortationes* (*παράκλησεις*) отнюдь не являются воспроизведением действительно произнесенных когда-то речей, но представляют собой чисто литературный прием. Аргументы датского исследователя сводятся к следующему. Первое – во всей обширнейшей риторической литературе, сохранившейся с античных времен, практически отсутствуют какие-либо конкретные указания на такого рода речи: неизвестно ни их заглавий, ни фрагментов, ни теоретических рекомендаций по их подготовке и произнесению, хотя, как отмечает Хансен, речи полководцев к войску, казалось бы, должны были представлять лакомый кусок для логографов или составителей учебников по риторике⁶. Вторая группа аргументов относится к условиям произнесения речи перед войском. По мнению автора, полководец, даже если бы он обладал голосом Стентора, просто физически не в состоянии был произнести речь, которую одновременно слышали бы все солдаты, построенные с оружием в руках в боевой порядок протяженностью несколько сот метров⁷. Хансен, по существу, отрицает и то, что полководец мог обратиться по очереди к разным частям войска, последовательно обходя их строй перед битвой, и что с обращением могли выступить сразу несколько военачальников, и что воины могли собраться сплоченной массой, как на сходке в лагере, чтобы выслушать увещание своего предводителя. По словам исследователя, невозможно представить, чтобы военачальник, проходя вдоль рядов, произносил связную речь, так что левое крыло слышало вступление, центр строя – суть речи, а правое крыло – ее эпилог. Равным образом неправдоподобно, чтобы полководец, останавливаясь при обходе рядов построенного войска пять-шесть раз, заново произносил всю свою речь. Вероятнее всего, проходя вдоль фронта фаланги, он мог только выкрикнуть несколько воодушевляющих изречений. Такое краткое увещание, заключает автор, и являлось, по всей видимости, той исторической реальностью, какую мы можем обнаружить за развернутыми речами в жанре *adhortatio*, предлагаемыми античными историками⁸. Искусственный, чисто литературный характер такого рода полководческих речей подтверждается парностью выступлений предводителей двух противоборствующих сторон, а также тем, что и в период позднего Средневековья и раннего Нового времени, судя по имеющимся свидетельствам, воодушевляющие речи военачальников на поле боя едва ли превышали по объему армейский приказ⁹.

Выводы Хансена и их аргументация вызвали критическую реплику К. Эрхардта¹⁰, который, указав на ряд свидетельств, не учтенных датским колле-

⁴ Pina Polo F. *Las contiones civiles y militares en Roma*. Zaragoza, 1989. P. 199–236.

⁵ Hansen M.H. *The Battle Exhortation in Ancient Historiography. Fact or Fiction?* // *Historia*. 1993. Bd 42. Ht 1. P. 161–180.

⁶ *Ibid.* P. 163 f.

⁷ *Ibid.* P. 169.

⁸ *Ibid.* P. 169, 171 f.

⁹ *Ibid.* P. 171 ff.

¹⁰ Ehrhardt C.T.H.R. *Speeches Before Battle?* // *Historia*. 1995. Bd 44. Ht 1. P. 120–121.

гой¹¹, высказал мнение, что обращения полководца к войскам непосредственно перед сражением составляли часть общепринятого порядка действий и в обычных обстоятельствах у полководца, вероятно, было время, чтобы пройти вдоль рядов войска и ободрить своих солдат речью, прежде чем они вступят в бой. Во всяком случае, такой вывод можно сделать относительно сражений, которые вел Цезарь.

Действительно, точка зрения и доводы Хансена не выглядят в полной мере убедительными, и в подкрепление высказанных его оппонентом соображений можно привести некоторые дополнительные аргументы и свидетельства источников, обратившись к анализу римского военного красноречия с точки зрения того, что в современной теории риторики называют этосом и пафосом речевой коммуникации, понимая под ними соответственно условия и обстоятельства произнесения речи и те намерения и задачи, которые преследует оратор¹². При этом рассмотрение вопроса о практической роли ораторского искусства в деятельности полководца, на наш взгляд, неразрывно связано с определением того значения, которое приписывается красноречию в комплексе идеологических представлений, составляющих образ идеального римского военачальника, и с необходимостью предполагает учет общих социокультурных характеристик и ценностных ориентаций римского общества. Важно иметь в виду, что насыщенность историографической прозы речами действующих лиц, как и сам акцент на актах речевой коммуникации в описаниях деятельности военных и политических лидеров, – не только выражение жанровой специфики греко-римского историописания, но и одно из характерных проявлений того феномена, который связан с ключевой, конституирующей ролью установки на живое звучащее слово и который С.Л. Утченко назвал ораторской ориентацией античной цивилизации, подчеркивая, что «все звенья (органы) полисного устройства связаны... с этой сферой» – сферой публично произносимой речи¹³. В таком ключе мы и попытаемся проанализировать имеющийся в нашем распоряжении материал источников.

Прежде всего стоит вспомнить, что в Риме уважение к ораторскому слову было древним и традиционным, а искусное владение публичной речью было важным фактором государственно-политической деятельности и соответственно одним из ключевых компонентов римского идеала достойного мужа – *vir bonus dicendi peritus*, по известному определению Катона Старшего¹⁴. При этом, поскольку государственная деятельность знатного римлянина – по крайней мере в раннереспубликанскую эпоху – была неотделима от командования войсками, этот идеал исключал «узкую специализацию», предполагая неразрывное единство качеств политического и судебного оратора, воителя и полководца. Образцами такого истинного римлянина были, например, и сам Катон (*Cic. De orat.* III. 33. 135; *Nepos. Cato.* 3; *Liv.* 39. 40. 4–7; *App. Iber.* 40), и Сципион Эмилиан (*Cic. De off.* I. 22. 116; cf. *Brut.* 82; *Plin. NH.* VII. 100), а еще ранее, в эпоху первой Пунической войны, Л. Цецилий Метелл, который в известной надгробной речи его сына, цитируемой Плинием, характеризуется как первый воитель, превосходный оратор, храбрейший полководец, мудрый сенатор и рачительный хозяин (*Plin. NH.* VII. 43. 139–141).

¹¹ В частности: *Caes. V.G.* II. 20. 1–2.

¹² *Рождественский Ю.В.* Теория риторики. М., 1997. С. 96.

¹³ *Утченко С.Л.* Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.). М., 1977. С. 12 слл.

¹⁴ *Гаспаров М.Л.* Цицерон и античная риторика // *Марк Туллий Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994. С. 15.

Разумеется, столь разносторонняя самореализация в полном объеме была уделом лишь отдельных наиболее выдающихся деятелей римской истории. Не приходится сомневаться и в том, что с течением времени положение дел менялось и такой универсальный идеал все более отходил в прошлое. Не случайно уже Цицерон, воздав хвалу многосторонней одаренности Катона, не без горечи замечает, что теперь управлять государством берутся люди, в лучшем случае проявившие себя только в каком-нибудь одном отношении: либо воинской доблестью и военным опытом, либо знанием права, либо красноречием (*De orat.* III. 33. 136)¹⁵. Однако представление о том, что в правителе должны сочетаться качества оратора, полководца и прирожденного воина-бойца, было очень устойчивым и сохранялось вплоть до позднеантичного времени, как показывает, например, характеристика Констанция II в первом панегирике Юлиана в его честь (*Or.* I. 32B–C; причем Юлиан ссылается здесь не только на эпических Нестора и Одиссея, но и на римских полководцев эпохи Пунических войн. О силе ораторского искусства Констанция ср. также *Iulian. Or.* II. 76D–77B; [*Aur. Vict.*] *De Caes.* 42. 1–4). Стоит напомнить, что для самого Цицерона красноречие есть одно из высших проявлений нравственных сил (*virtutes*) человека (*De orat.* III. 14. 55)¹⁶ и поэтому из всех видов человеческих занятий по своей значимости и социальному престижу может быть сопоставлено только с деятельностью полководца (*ibid.* I. 2. 8; *Pro Mur.* 14. 30).

При столь высокой общей оценке красноречия не удивительно, что оно нередко фигурирует среди тех достоинств, какими, по мнению древних, должен был обладать полководец. В первую очередь можно сослаться на того же Цицерона. В речи «О предоставлении империя Гн. Помпею» (*Pro lege Manilia*), которая представляет собой «блистательный образец “зеркала полководца”»¹⁷, в числе прочих полководческих *virtutes* Цицерон обращает внимание и на ораторское искусство Помпея, подчеркивая, что оно также – одно из важных достоинств полководца¹⁸. Плутарх, говоря о взаимоотношениях с войском таких своих героев, как Катон Младший и Марк Антоний, и отмечая их умение снискать популярность среди подчиненных, в числе прочих качеств, этому способствовавших, называет и силу их красноречия (*Plut. Cato min.* 9; *M. Ant.* 43). Об этом же упоминает Тацит в своих отзывах о Цецине и Антонии Приме (*Hist.* I. 53. 1; III. 10. 6). Аналогичным образом Тацит и в характеристику Домиция Корбулона включает указание на его ораторские достоинства (*Ann.* XIII. 8. 3: *verbis magnificis*). Примечательный аспект военного красноречия в наборе полководческих качеств обнаруживается в той речи к воинам,

¹⁵ Ср. *Liv.* 39. 40. 5: «Вершины почестей одни достигают знанием права, другие – красноречием, третьи – славой военных подвигов...» (пер. Э.Г. Юнца). Эта сентенция высказывается Ливием, так же как и Цицероном, в связи с характеристикой личности Катона, но в общем плане, без привязки к определенному периоду истории.

¹⁶ На это место из цicerоновского диалога «Об ораторе», кстати сказать, ссылается Квинтилиан в главе, посвященной обсуждению вопроса о том, является ли риторика делом доблести (*Inst. or.* II. 20 – *An virtus [sit] rhetorice*).

¹⁷ *Альбрехт М. фон.* История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияния на позднейшие эпохи / Пер. с нем. А.И. Любжина. Т. 1. М., 2002. С. 574. Подробнее о созданном Цицероном в этой речи образе идеального полководца см. *Махлаюк А.В.* Модель идеального полководца в речи Цицерона «О предоставлении империя Гн. Помпею» // *Акра.* Сб. науч. тр. Нижний Новгород, 2002. С. 96–109.

¹⁸ *Cic. De imp. Cn. Pomp.* 14. 42: *...quantum dicendi gravitate et copia valent, in quo ipso inest quaedam dignitas imperatoris...* («Что касается... убедительности и богатства его ораторской речи, а именно в этом также кроется... некое достоинство императора...»). Пер. В.О. Горенштейна). Ср. исключительно лестную оценку ораторского дарования Помпея: *Cic. Brut.* 68. 239.

которую Дион Кассий вкладывает в уста Марка Антония перед битвой при Акции (Dio Cass. 50. 17. 2–5). В своем обращении к войскам Антоний превозносит собственные полководческие достоинства, противопоставляя их качествам Октавиана и его военачальников. Он указывает, в частности, на свой зрелый возраст, исключаящий как присущую юношам опрометчивость, так и бессилие старца, на свою опытность, а также на свои приобретенные обучением познания, которые позволяют ему без каких бы то ни было затруднений постигать все, что должно, и излагать это в речи: ... τοιαύτη δὲ καὶ παιδεία κέρρηται ὥστε καὶ γινῶναι πάντα τὰ προσήκοντα καὶ εἰπεῖν ῥᾶστα δύνασθαι.

Еще более показательны суждения Онасандра – греческого писателя, автора специального трактата «Наставление военачальнику» (Strategikos), написанного в середине I в. н.э. и посвященного Кв. Веранию, консулу 49 г. н.э. Онасандр не только упоминает красноречие в своем вводном суммирующем перечне качеств и критериев хорошего полководца (пожалуй, самом подробном и развернутом во всей античной литературе¹⁹), но и образно раскрывает его практическое значение как средства морально-психологического воздействия на войско. Отмечая (I. 1), что в полководцы следует выбирать человека, владеющего словом (ἰκανὸν λέγειν), ниже (I. 13–16) автор поясняет, что это качество приносит огромную пользу на войне: призывная речь полководца перед началом сражения заставляет воинов презирать опасности и страстно стремиться к подвигам; и даже звук боевой трубы не в такой степени возбуждает дух их к борьбе, как речь, произнесенная во славу доблести; при неудачах же умелая увещательная речь командующего возвращает воинам бодрость, оказываясь даже полезнее ухаживающих за ранеными врачей. Ведь последние врачуют только раненых, а красноречивый полководец и немощных приободряет, и здоровых воодушевляет – а это более трудная задача, так как исцелить души увещанием сложнее, чем вылечить телесный недуг, подобно тому как и вообще скрытые внутренние болезни труднее поддаются лечению, нежели внешние и очевидные.

Несомненно, Онасандр, акцентируя таким образом роль ораторского слова среди прочих качеств полководца, следует широко распространенному в античной литературе топосу и оригинален, пожалуй, только в сравнении речи полководца с искусством врача (хотя противопоставление внешних и скрытых недугов, очевидно, восходит к Полибию – XI. 25. 2 sqq.)²⁰. По своему общему смыслу сформулированная Онасандром мысль непосредственно перекликается с мнением многих античных авторов, начиная по меньшей мере с Ксенофонта²¹. Ограничимся здесь только некоторыми римскими примерами, наиболее созвучными мнению Онасандра. «Разве не ораторское ис-

¹⁹ См. Махлаюк А.В. «Стратегикос» Онасандра и идеология военного лидерства в Древнем Риме // Проблемы антиковедения и медиэвистики (к 25-летию кафедры истории древнего мира и средних веков в Нижегородском университете). Межвуз. сб. науч. тр. Нижний Новгород, 1999. С. 29–35 (с литературой).

²⁰ Peters W. Untersuchungen zu Onasander. Inaug. Diss. Bonn, 1972. S. 111 f.

²¹ Ср. особенно слова Сократа в беседе об обязанностях гиппарха (Xen. Mem. III. 3. 11). На реплику собеседника: «Ты хочешь сказать... что начальник над всадниками, помимо всего прочего, должен заботиться и об умении говорить?» – Сократ отвечает: «А ты думал... что командовать конницей надо молча? Или ты не обратил внимания на то, что все знания, получаемые нами благодаря обычаю... мы усвоили при помощи слова; что и всякую другую прекрасную науку, которую кто-нибудь изучает, он изучает при помощи слова; что лучшие учителя больше всего действуют преимущественно словом; что люди, обладающие самыми важными знаниями, прекрасно говорят?» (пер. С.И. Соболевского). Ср. также Xen. Hipp. 8. 22.

кусство (*oratio*), – риторически вопрошает Квинтилиан, – часто возвращает боевой дух уstraшенным воинам и избавляет их от страха, и не оно ли убеждает устремившихся навстречу опасностям битвы бойцов в том, что слава (*laudem*) дороже жизни?» (*Inst. or.* II. 16. 8). По свидетельству Иосифа Флавия (*J. Iud.* VI. 1. 5), во время штурма Иерусалима Тит, собрав самых доблестных воинов, обратился к ним с речью, убежденный, что для возбуждения боевого духа более всего пригодна вселяющая надежду речь и что призывы полководца в сочетании с обещаниями заставляют солдат забывать об опасностях и даже презирать смерть. Также и император Юлиан, по словам Либания, произнес одну из речей перед воинами, отлично понимая, что «сказанные перед битвой подобающие слова поднимают воинский дух» (*Or.* XVIII. 53). Именно эта способность увлекать войско воодушевляющим словом подчеркивается в первую очередь, когда речь заходит об ораторских умениях полководца²².

Конечно, все подобного рода ремарки, как и процитированные выше рассуждения Онасандра, не дают ключа к пониманию того, насколько длинными были полководческие речи и как именно они произносились на поле боя²³. Важно, однако, что и для Онасандра, и для античных историков увещательная речь полководца к войску – столь же необходимый компонент его деятельности, как разработка планов действия, сбор и анализ информации о противнике, выбор маршрутов передвижения и места битвы, построение армии в боевой порядок, совершение положенных религиозных обрядов и ритуалов, т.е. все то, о чем подробно пишет на страницах своего труда греческий писатель.

Ораторская деятельность полководца не ограничивалась только увещательными речами перед боем, которые относились к разряду *προτροπικῶν* (*παρακλιτικῶν*) λόγοι или *παρακλήσεις* (лат. *hortationes* или *adhortationes*). Не меньшее значение и удельный вес имели выступления на войсковых собраниях – *contiones*, *adlocutiones*, относившиеся преимущественно к *genus deliberativum* (*συμβουλευτικόν*), но решавшие самые разнообразные задачи, в том числе близкие или даже тождественные тем, что считались принадлежностью речей первого рода²⁴. С этой точки зрения едва ли оправданно столь резко разграничивать эти два рода речей, как делает М. Хансен²⁵. Для уяснения практического значения и тех и других стоит, наверное, более пристально присмотреться к некоторым деталям, сообщаемым источниками относительно задач, конкретных обстоятельств, формы произнесения и стиля полководческих речей. Не останавливаясь подробно на тех аспектах, которые уже освещены в литературе²⁶, отметим только наиболее принципиальные моменты, обратившись сначала к *hortationes*.

Такого рода ободрения войска перед сражением производились, как отмечается в «Записках» Цезаря, «по воинскому обычаю» – *militari more* (*B.C.* III. 90. 1) и, по верному замечанию К. Эрхардта²⁷, составляли, по всей видимости, необходимый компонент обычных обязанностей полководца (ср. особен-

²² Ср., например, отзыв Полибия о Сципионе Старшем (*X.* 2. 12) или Плутарха о Марке Антонии (*Ant.* 40. 8). Примечательно, что Плутарх, упоминая рядом «умение убедительно говорить с народом» и «увлекать войско речью», по существу, различает эти два вида красноречия.

²³ *Hansen.* *Op. cit.* P. 166.

²⁴ Ср., например: *Caes.* *B.C.* III. 73. 2: *contionem apud milites habuit hortatusque est.*

²⁵ *Hansen.* *Op. cit.* P. 167.

²⁶ Кроме указанных выше работ Б. Кэмпбелла и Ф. Пина Поло см. также *Махлаюк А.В.* Воинская сходка (*contio*) в жизни римской армии и политическом механизме Римской империи // *Власть, человек и общество в античном мире.* Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 131–141.

²⁷ *Ehrhardt.* *Op. cit.* P. 121.

но Caes. V.G. II. 20. 1, а также V. Alex. 22. 2). Очень часто hortatio непосредственно предшествует сигналу к бою и назначению пароля (например, V. Afr. 58. 3; Plut. Brut. 41). Могла она быть обращена и к воинам, занятым на фортификационных работах (App. V.C. IV. 125, 126, 128), но нередко требовалась и в разгар боя (App. Mithr. 49; Caes. V.G. II. 21. 4).

Очевидно, что главная непосредственная цель таких полководческих речей заключалась в создании соответствующего морально-психологического состояния войск, вступающих в битву, в активизации того качества, которое выделяет в солдатах такой многоопытный военачальник, как Цезарь, – *quaedam animi incitatio atque alacritas naturaliter innata omnibus, quae studio pugnae incenditur* (V.C. III. 92. 4: «...врожденная и присущая от природы всем людям возбудимость и живость, которая воспламеняется от желания сразиться»). Фактически та же самая цель прямо указывается или подразумевается во многих источниках, в том числе и в тех беглых замечаниях Дионисия Галикарнасского и других риториков, на которые ссылается М. Хансен²⁸. В речи полководца, нацеленной прежде всего на то, чтобы разжечь боевой пыл солдат (*ascendendum militem* – Tac. Agr. 33. 1), могли, однако, в зависимости от обстоятельств звучать и другие мотивы: уговоры и угрозы, похвалы и обещания. Характерный пример дает приводимое Тацитом обращение Антония Прима к войскам, в котором полководец стыдит и порицает одних, хвалит и ободряет других, всем внушает надежду и раздаёт обещания²⁹. Иногда, как отмечается в источниках, моральный дух войск оказывался на должной высоте и без увещаний полководца. Примечательно, однако, что даже в таких ситуациях, если верить античным авторам, некоторые полководцы не упускали возможности обратиться к воинам ([Caes.] V. Alex. 22. 2; Plut. Brut. 41; Tac. Agr. 33. 1; cf. Polyb. XI. 12–13 – о Филопемене).

Воздействие на эмоционально-психологическое состояние солдат во многих случаях сочетается в речах полководцев также с наставлением и разъяснением особенностей и замысла предстоящего (или уже начавшегося) сражения. Данный компонент с особой наглядностью обнаруживается в сообщениях о речах Цезаря (Caes. V.G. VII. 19. 4–5; V. Alex. 16. 3; App. V.C. II. 81). На необходимость комплексного воздействия как на эмоции, так и на разум воинов обращает внимание Вегеций. В III книге его «Эпитомы» имеются краткие рекомендации, касающиеся содержания полководческой речи перед битвой. «Благодаря убеждениям и поощрениям вождя у войска растут храбрость и мужество, особенно если они понимают, что метод предстоящего сражения таков, что они могут надеяться легко добиться победы. Затем нужно указать на неспособность и ошибки врагов, и если они раньше были побеждены нами,

²⁸ См. прим. 6. Некоторые из этих замечаний, думается, стоит процитировать, поскольку, высказанные отнюдь не в специальном военном контексте, они показывают самое общее представление о полководческой речи, бытовавшее в среде, далекой от военного дела. «Во время войны и в боевом строю нуждаются воины в том, чтобы благодаря речи и ободрению военачальников превзошли они самих себя в решительности» (*Dion. Hal. Ars Rhet. 7. 2: ... ἐπὶ πολέμου καὶ ἐπὶ παρατάξεως δεόνται στρατιῶται τοῦ παρὰ τῶν στρατηγῶν λόγου καὶ τῆς προτροπῆς, καὶ αὐτοὶ αὐτῶν ἔρρωμενέστεροι ἐγένοντο*); «...благороднейшие [воины] в лагере, услышав слова военачальников, преисполняются исключительным рвением к победе...» (*ibid. 7. 3: ...ἐν στρατοπέδῳ οἱ γησιώτατοι παρὰ τῶν στρατηγῶν λόγους ἀκούσαντες μάλιστα φιλοτιμοῦνται περὶ τὴν νίκην...*). «Возбудив дух бойцов увещаниями, военачальники приказали поднять знамена» (*Liban. Progymnasm. 12. 1. 5: θήξαντες δὲ οἱ στρατηγοὶ ταῖς παρακλήσεσι τῶν μαχομένων τὰς γνώμας ἐκέλευον ἄραι τὰ σημεῖα*).

²⁹ Tac. Hist. III. 24. 2: ... alios pudore et probris, multos laude et hortatu, omnes spe promissisque ascendens. Cf. App. Mithr. 37, 49 (речи Суллы).

напомнить об этом. Нужно рассказать о том, что вызовет ненависть к врагам и зажжет души наших воинов гневом и негодованием» (Ш. 12; пер. С.П. Кондратьева). В этом пассаже, по существу, указаны все основные тематические моменты, развиваемые с той или другой степенью подробности в тех многочисленных речах, которые античные историки вкладывают в уста полководцев³⁰.

Процитированное место, хотя и является главным образом данью расхожим штампам, которые несложно было почерпнуть из сочинений историков, можно, наверное, рассматривать как косвенное указание на то, что М. Хансен тщетно пытался обнаружить в риторических учебниках и упражнениях, – свидетельство о разработке в античной литературе жанра полководческих речей. Можно также предположить, что несохранившийся ранневизантийский (VI в.) трактат, условно именуемый «*Rhetorica militaris*» и представлявший собой пособие по обучению военачальников ораторскому искусству³¹, восходил, подобно другим полемологическим сочинениям византийского времени, к античным традициям и образцам. Кстати сказать, в статье Хансена упущено и еще одно любопытное свидетельство. Оно принадлежит Светонию. Говоря о ложно приписываемых Цезарю речах, биограф сообщает (Iul. 55. 4), что Август не решался признать аутентичной речь Цезаря к воинам в Испании (очевидно, перед битвой при Мунде), и добавляет, что известны были целых две такие речи, одна перед первым боем, другая – перед вторым, но, по свидетельству Азиния Поллиона, на которое здесь же ссылается Светоний, у Цезаря перед стремительным натиском неприятеля вовсе не было времени для произнесения каких-либо речей (*contionandi*). Не исключено, что эти речи – подложные или подлинные – были известны самому Светонию. Примечательно и то, что Азиний Поллион отрицает не возможность произнесения речей вообще, но только вероятность этого в конкретной боевой обстановке, сложившейся в битве при Мунде. Поэтому данное свидетельство Светония скорее подтверждает, а не опровергает сам факт публикации речей в жанре *hortatio*, создававшихся в качестве чисто литературного образца или же воспроизводивших в действительности прозвучавшие выступления. Речи полководцев из сочинений историков, в свою очередь, могли изучаться как образец для возможного практического использования (Suet. Dom. 10. 3).

Что касается типичных обстоятельств произнесения *hortationes*, то вполне очевидно, что боевая обстановка, как правило, не оставляла времени для пространных речей. Командующий произносил слова ободрения и воодушевлял воинов на бой³², либо обходя (или даже обегая – App. V.C. II. 81) ряды выстроенного к битве войска, либо объезжая их верхом на коне и, чаще всего, по очереди обращаясь к отдельным частям. В таких случаях характерно употребление в греческих текстах глаголов *ἐπιλαρίεσθαι* и *ἐπιλέσθαι*³³, а в латинских – *proficisci*, *occurrere*, *descurrere* и т.п.³⁴ Нередко, очевидно, подобные обращения с речью в условиях разворачивающегося сражения были со-

³⁰ О топики и структуре полководческих увещательных речей см. *Albertus*. Op. cit. S. 37–93.

³¹ Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 81, со ссылкой на ст.: *Dain A.* Les stratégistes byzantins // *Travaux et mémoires*. 1967. 2. P. 343–344.

³² Чаще всего он делал это самолично, но в некоторых случаях мог перепоручать отдельным начальникам (например: *Plut.* Cato min. 54). Ср. *Hansen*. Op. cit. P. 169. Однако отказ командующего обратиться к войску лично и поручение сделать это нижестоящим военачальникам могли расцениваться солдатами как знак неуважения к ним (*Plut.* M. Ant. 40. 9).

³³ Ср. *Hansen*. Op. cit. P. 169.

³⁴ Ср., например: *Caes.* B.G. II. 21. 4: *in alteram partem item cohortandi causa profectus pugnantibus occurrit.*

пряжены со смертельным риском³⁵. Неудивительно поэтому, что в источниках очень часто подчеркивается лаконичность обращений командующего к войскам перед битвой. Вполне вероятно, они действительно часто сводились к набору воодушевляющих призывов и сентенций, совсем не похожих на тщательно разработанные речи из произведений античных историков. Но это отнюдь не означает, что по крайней мере в отдельных случаях в основе изложенных историками речей не могли лежать подлинные слова полководца, запомнившиеся тем, кто впоследствии становился их информаторами³⁶. Думается, что в данном отношении уместно сопоставить речи в жанре *hortatio* с речами, произносимыми на войсковых собраниях, – *adlocutiones* и *contiones*. Относительно последних мы располагаем достаточно определенными, недвусмысленными указаниями на их подробный пересказ очевидцами и (или) письменную фиксацию. Так, Децим Брут, рассказывая в письме Цицерону о своем преследовании войск Марка Антония (май 43 г. до н.э.), пишет, что ему сообщили о речи последнего на воинской сходке, в которой он начал просить солдат последовать за ним через Альпы³⁷. Луций Вер в письме Фронту, работавшему над историей войны с парфянами, просит его не обойти вниманием его (Вера) речи к сенату и обращения к войску³⁸. В биографии Клодия Альбина сообщается, что сохранилась его речь, произнесенная на солдатской сходке, когда он принял императорскую власть (SHA. Cl. Alb. 3. 2). Известно также, что речи, произносимые императорами перед войсками, могли, подобно речам в сенате, суде или собрании, заранее составляться в письменном виде. По свидетельству Светония, осторожный Октавиан Август всегда заранее тщательно обдумывал свои публичные выступления, в том числе и перед войском, и первым стал произносить речи по написанному тексту (Suet. Aug. 84. 1–2). Подобной практике (правда, по иным соображениям) следовал Нерон: ради сбережения голоса он обращался к солдатам лишь заочно либо через глашатая (Suet. Nero. 25. 3; cf. Dio Cass. 61. 3. 1). Префект претория при Нероне Нимфидий Сабин, замысливший после его смерти и еще до прибытия Гальбы в Рим сделаться императором, направился в лагерь преторианцев, захватив с собою свиток с речью, которую написал ему Цингий Варрон и которую он выучил наизусть, чтобы произнести перед воинами (Plut. Galba. 14. 4). Геродиан же (VII. 8.3) сообщает, что Максимин Фракиец перед началом войны против сенатских ставленников, не полагаясь на собственные ораторские способности, зачитал перед войском речь, написанную для него одним из его друзей. Наконец, необходимо упомянуть и об известной речи императора Адриана, которую он произнес в 128 г. после посещения учений III Августова легиона: текст ее был затем по-

³⁵ К примеру, Цезарь пишет, что его легат Л. Котта во время обхода и ободрения (*adhortans*) боевых порядков был ранен прямо в лицо из пращи (B.G. V. 35. 8).

³⁶ Надо сказать, что установка на возможно более точное воспроизведение сказанного персонажами исторического повествования, на адекватное соответствие воспроизводимой речи обстоятельствам ее произнесения и характеру оратора относилась, по всей видимости, и к речам полководцев и отнюдь не исключала, – скорее, даже предполагала! – применение историком риторической выучки и искусства. См., например: *Thuc.* I. 22. 1; *Polyb.* XII. 25b. 1; 25i. 3–5; 6–9; *Lucian.* *Quomodo historia conscribenda sit.* 58.

³⁷ *Cic.* *Fam.* XI. 13. 3: *contio eius ad me est allata, in qua petere coepit a militibus, ut se trans Alpes sequerentur.*

³⁸ *Front.* *Epist. ad Ver.* II. 3. 1: *Plane non contempseris et orationes ad senatum et adlocutiones nostras ad exercitum.*

мещен на памятной колонне в Ламбезисе (CIL VIII. 2532, 18042 = ILS 2487, 9133–9135)³⁹.

Понятно, однако, что краткие увещательные речи перед боем вряд ли сочинялись заранее. В таких случаях военачальники полагались главным образом на экспромт и свой авторитет, на знание солдатской психологии, учет общей ситуации и тех перемен, которые могли происходить в боевых обстоятельствах (поскольку уже в ходе сражения мог возникнуть опасный момент, требовавший словесного воздействия командующего⁴⁰). Протяженность боевого строя, несомненно, исключала возможность обращения военачальника сразу ко всему войску (если только он не произносил свою речь еще в лагере до начала боевого развертывания). Поэтому обычный порядок предполагал, что *hortatio* адресовывалась по очереди к разным отрядам. Это обстоятельство, очевидно, понуждало полководца дифференцировать содержание своей речи в зависимости от индивидуальности той войсковой части, к которой он непосредственно обращался. Данный момент неоднократно отмечается в нарративных текстах. Характерно, что в римской практике командующие в своих обращениях учитывают индивидуальные черты и репутацию отдельных легионов, и это неудивительно, поскольку уже ко времени Цезаря некоторые легионы существовали фактически на постоянной основе и имели собственные традиции и историю⁴¹. Немало показательных примеров можно найти в сочинениях Цезаря и его продолжателей, а также в сообщениях авторов императорского времени⁴². Воодушевляющее слово командующего могло быть обращено и к отдельным воинам, и это оказывалось куда более действенным, если военачальник знал их поименно и помнил их прежние подвиги (ср., например, Sall. Cat. 59. 5–6; SHA. Alex. Sev. 55. 1).

Необходимо отметить, что античные авторы, включавшие в свои сочинения речи полководцев, за немногими, но показательными исключениями⁴³, в целом нимало не сомневаются в действенности полководческих речей, обращенных к солдатам перед битвой и подкрепленных моральным авторитетом, опытностью и харизмой вождя. Безусловно, во многих случаях подчеркивание высокой эффективности произнесенной речи и ораторского дарования полководца служит созданию соответствующего образа выдающегося военного лидера, как, например, в рассказе Цезаря о мятеже в его войске под Везонтионом перед походом на Ариовиста (B.G. I. 39–40)⁴⁴. Явной «литературностью»,

³⁹ Об этой речи см. *Le Glay M. Les discours d'Hadrien à Lambèse (128 apr. J. C.) // Akten des XI. Internationalen Limeskongresses. Budapest, 1977. P. 545–558; Campbell. Op. cit. P. 77–80; Pina Polo. Op. cit. P. 227–228.*

⁴⁰ Так, цезарь Юлиан, заметив в одном из сражений замешательство части своих войск, со свитой в двести всадников поспешил на этот участок и «обратился, как требовал того опасный момент, к людям с увещательной речью» (*Amm. Marc. XVI. 12. 28: ut ardor negotii flagibat... verbis hortabatur*).

⁴¹ Ср. *Harmand J. L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère. P., 1967. P. 425.*

⁴² См., в частности: *Caes. B.G. II. 21. 1–2; B. Afr. 81. 1–2; Tac. Ann. I. 42; Hist. III. 24; V. 16.*

⁴³ В качестве таковых можно указать: *Xen. Cyr. III. 3. 50–51, 55; Thuc. V. 69. 2; Sall. Cat. 58. 1* (вероятная реминисценция из двух предыдущих авторов); *Liv. 7. 32. 10–12*. Эти пассажи, в которых высказана мысль о том, что сами по себе никакие речи не могут обеспечить доблестное поведение, скорее все же подтверждают обычную уверенность античных писателей в силе воодушевляющего слова, подчеркивая только, что словесное увещание может быть эффективным при должном обучении войска, при действенной системе поощрений и наказаний (Ксенофонт), при наличии у воинов необходимого боевого опыта (Фукидид); врожденных или благоприобретенных благодаря воспитанию качеств (Саллюстий); при действии вождя личным примером (Ливий).

⁴⁴ Анализ данного эпизода с точки зрения того образа и впечатлений, какие Цезарь стремился создать о себе как полководце, см. в ст.: *James B. Speech, Authority, and Experience in Caesar, Bellum Gallicum. 1. 39–41 // Historia. 2000. Bd 128. Ht 1. P. 54–64.*

по-видимому, грешит и Плутарх, рассказывая о выступлении Катона Младшего перед одной из битв при Диррахии, когда Помпей, чтобы воодушевить войско, велел военачальникам обратиться к солдатам с ободряющими речами (*Sato min.* 54). Если слова прочих командиров солдаты слушали молча и равнодушно, то краткая убежденная речь Катона, посвященная философским представлениям о свободе, доблести, смерти и славе, привела, по словам биографа, к тому, что «...поднялся такой крик, такое волнение, что все начальники зажглись надеждой и во главе своих людей бросились навстречу опасности» (пер. С.П. Маркиша).

Отдавая себе отчет в литературном характере и преимущественно литературных целях многочисленных ремарок, подчеркивающих вдохновляющее воздействие полководческой речи на изготовленное к бою или находящееся в критическом положении войско⁴⁵, нельзя все же не признать, что само внимание античных историков, так сказать, к вербальному фактору руководства войсками может свидетельствовать о его немаловажном практическом значении. Но если в неизбежно кратких *hortationes* первостепенную значимость имели не столько собственно ораторские достоинства военачальника, сколько сам факт личного присутствия полководца на поле боя, индивидуализированность обращения к данной части, то речи на войсковых собраниях и сходках, несомненно, требовали настоящего красноречия в значительно большей степени и давали возможность в полной мере проявить истинную его силу. Это обусловлено целым рядом причин. Во-первых, речи полководцев (императоров) на воинских сходках (*contiones*) призваны были решать гораздо более разнообразные задачи, нежели *hortationes*, – в силу тех многочисленных и очень значимых функций, которые имел институт воинской сходки в римской армии и политической жизни Рима, особенно в эпоху Империи⁴⁶. Каждая из этих функций, естественно, предполагала особый род красноречия, собственный «регистр» и тональность произносимой речи, которые зависели также и от многих конкретных условий. Во-вторых, в отличие от *hortationes*, монологических по самой своей сути, речи на солдатских сходках часто приобретают диалогический характер, что с особенной силой проявляется в ситуации военного мятежа либо политического кризиса того или иного рода, когда армейские массы выступают как активная сила, подчас диктующая свои условия власти. В-третьих, войсковая сходка, представляя собой по существу институционализированный орган, в немалой степени сохранявший полисно-республиканские традиции, проводилась обычно как особого рода церемония, включавшая комплекс различных мероприятий и имевшая семантически значимые атрибуты⁴⁷.

Однако центральным, ключевым элементом сходки, безусловно, всегда оставалась речь, произносимая военным лидером. Чтобы в этом наглядно убедиться, стоит подробнее раскрыть некоторые из указанных моментов. Прежде всего, во многих случаях задачи полководческой речи на воинской сходке (*contio*) фактически совпадали с теми, какие решались произносившимися на

⁴⁵ См., например: *Polyb.* XI. 31. 8; *Dion. Hal. Ant. Rom.* VI. 10. 1; *Caes.* B.C. III. 90. 3; *Ios.* B. Iud. III. 10. 3; *Tac. Agr.* 35; *Ann.* XIII. 39. 4; XIV. 36. 2; *Hist.* V. 16. 3; *Veget.* III. 9.

⁴⁶ Можно выделить по меньшей мере четыре важнейшие, тесно взаимосвязанные функции воинской сходки – церемониальную, информационную, агитационную и потестарную. См. *Махлаюк А.В.* Воинская сходка (*contio*)...; *он же.* Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород, 2000. С. 65–72. Ср. также *Pina Polo.* Op. cit. P. 206, 223 sgg. (автор, по существу, выделяет аналогичные функции, но называет их по-иному).

⁴⁷ О созыве, порядке и местах проведения воинской сходки см. *Махлаюк.* Воинская сходка (*contio*)...; *Pina Polo.* Op. cit. P. 199 sgg., 219 sgg., 229 sgg.

поле боя hortationes: воодушевить войска перед предстоящим сражением, разъяснить им его замысел и значение⁴⁸. Кроме того, на сходке могли быть обозначены цели кампании и войны в целом. Речь командующего нередко преследовала цель укрепить порядок и дисциплину, личную преданность и взаимное доверие солдат и полководца⁴⁹. Очевидно, для римского полководца важно было не просто отдавать приказы и распоряжения, но убеждать своих подчиненных в необходимости и целесообразности тех или иных действий, чтобы добиться сознательного подчинения его власти и эффективного выполнения его планов, как собственно военных, так и политических. Предметом выступления военачальника на войсковом собрании мог стать и разбор состоявшихся учений (сошлемся еще раз на речь Адриана в Ламбезисе) или же состоявшегося накануне сражения. Такого рода выступления обычно включали похвальную или благодарственную речь (laudatio) и сопровождалась награждением отличившихся либо порицанием и наказанием за трусливые и опрометчивые действия. В некоторых ситуациях могло потребоваться также утешить солдат⁵⁰. Публичные восхваления и наказания, без сомнения, были достаточно эффективным средством морально-психологического воздействия на войско. Contiones предваряли и завершали военные кампании, а также служили для представления войскам нового командующего⁵¹. В императорское время обращение с речью ко всему войску, возможно, стало рассматриваться как монопольное право императора⁵². На политико-идеологическую значимость императорских adlocutiones указывает то, что они были одной из важных тем официальной пропаганды: соответствующие изображения достаточно часто встречаются на монетах разных императоров⁵³. Как неотъемлемый компонент военных кампаний выступления императора перед войском, в том числе и связанные с церемонией награждения отличившихся⁵⁴, присутствуют на рельефах монументальных колонн Траяна и Марка Аврелия⁵⁵.

В качестве одной из важных практических задач выступления военного лидера перед войском источники называют стремление ознакомиться с настроениями солдат⁵⁶. Это оказывалось возможным прежде всего потому, что contiones отнюдь не были абсолютно формализованными, ритуализированными церемониями, в которых солдатской массе отводилась бы сугубо пассивная роль. Для того чтобы выразить свою реакцию на слова полководца и заявить

⁴⁸ В числе многих примеров можно указать: *Polyb.* X. 11. 5–8; *Sall. Cat.* 58. 3; *Caes. B.C. I.* 7. 1 sqq.; III. 6. 1; *Amm. Marc.* XXII. 9. 2; *App. B.C. IV.* 89.

⁴⁹ *Liv.* 44. 34. 1 sqq.; *Caes. B.G. VII.* 52. 1–3; *Suet. Iul.* 33. 1; *Tac. Hist.* I. 85; *Amm. Marc.* XXI. 5. 1; 13. 9.

⁵⁰ *Caes. B.G. V.* 52.5: ...postero die contione habita rem gestam proponit, milites consolatur et confirmat...

⁵¹ *Pina Polo.* Op. cit. P. 211 sgg.

⁵² На это, во всяком случае, прямо указывают слова Аммиана Марцеллина, который, говоря об одном из обращений Юлиана к воинам (в бытность его еще цезарем), замечает, что Юлиан не стал обращаться ко всему войску не только потому, что этому препятствовали большая протяженность поля битвы и многочисленность войска, но и потому, что хотел избежать тяжкого обвинения, будто он посягает на то, что как свою прерогативу рассматривал Август (*Amm. Marc.* XVI. 12. 29: et alioqui vitabat gravioris invidiae pondus, ne videretur id affectasse, quod soli sibi deberi Augustus existimabat).

⁵³ *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 250 слл.

⁵⁴ *Rossi L. Hasta pura.* L'objet et la cérémonie du donum militiae dans l'iconographie célébrative de la colonne Trajane // RA. 1985. 2. P. 231–236.

⁵⁵ Колонна Траяна. № 8, 32, 38, 57, 78–79. Колонна Марка Аврелия. № 4, 55, 73, 96, 100.

⁵⁶ *Caes. B.C. I.* 8. 1: cognita militum voluntate...; *B. Alex.* 57. 6: ...habita contione militum temptat animos; *Tac. Ann.* II. 12. 2: explorandos militum animos. Ср. также *Amm. Marc.* XXI. 5. 1.

о своей воле, вступая в своеобразный диалог с командующим и властью, сбравшиеся на сходку воины могли использовать самые разные средства. Наиболее типичной реакцией солдат на содержание и форму ораторского выступления полководца был громкий крик – clamor⁵⁷, выразивший в зависимости от ситуации весьма разнообразные эмоции. Это мог быть и боевой клич⁵⁸ – «голос воли и доблести» (index voluntatis virtutisque), как называет его в одном месте Тит Ливий (III. 62. 4), означавший либо единодушное одобрение речи военачальника, либо боевое воодушевление (ardor) воинов⁵⁹, либо чувство благодарности, радости и восторга⁶⁰. В некоторых случаях, когда слова полководца не соответствовали ожиданиям воинов, ответом оказывалось молчание или глухой ропот солдатской массы⁶¹. Примечательно, что воины, непосредственно реагируя на речь полководца, иногда прерывали ее своими выкриками, выражающими требования, жалобы или угрозы, и даже могли осыпать оратора грубой бранью⁶². Надо иметь в виду, что такие выкрики из строя (vociferatio), даже если содержали они лишь незначительные жалобы (leves querelae), в римском военном праве рассматривались как признаки мятежа и виновные подлежали достаточно строгому наказанию: отдельные подстрекатели подвергались разжалованию, а те солдаты, которые выступали согласованно и в большом числе, после телесного наказания изгонялись с военной службы (D. 49. 16. 3. 20; Ex Ruffo leg. mil. 16, 17; cf. Tac. Ann. I. 19. 2)⁶³. Однако в условиях гражданской войны или мощного военного мятежа такого рода нарушения дисциплины чаще всего оставались безнаказанными. Обычный же порядок предполагал, что солдаты могут заявить о своих претензиях через избранных представителей или командиров, выступавших перед полководцем (или императором) от имени и по поручению войска⁶⁴.

Имеются в источниках сведения и о других формах отклика воинов на выступления военных вождей. По свидетельству Аппиана (B.C. IV. 3), когда Октавиан после заключения союза с Антонием и Лепидом огласил принятые ими постановления на воинской сходке, солдаты в знак одобрения запели военную песню. Аммиан Марцеллин сообщает о такой специфически военной разновидности реакции на ораторское выступление, как шум, производимый оружием. Если удары щитами по наколенникам служили знаком полного одобрения сказанного, то удары копьем о щит, напротив, выражали гнев и скорбь

⁵⁷ Отметим также, что в обычных условиях, судя по словам Валерия Максима (I. 6. 11), воины должны были по древнему обычаю сбежаться на сходку, проходившую на главной площади лагеря, с бодрым криком; если же они сходились в молчании, это свидетельствовало об экстраординарной ситуации (maesti et taciti milites ad principia conveniunt, qui vetere instituto cum clamore alacri accurrere debebant). Cf. Liv. 28. 26. 12; Tac. Ann. I. 24. 3.

⁵⁸ В период Поздней империи в римской армии появляется особый боевой клич либо германского (Tac. Germ. 3. 1), либо восточного или африканского происхождения, именуемый *barritus*. См. *Amm. Marc.* XVI. 12. 43; XXI. 13. 15; XXVI. 7. 17; XXXI. 7. 11; *Veget.* III. 18. О различных версиях происхождения этого термина см. *Mosci Sassi M.G.* II «sermo castrensis». Bologna, 1983. P. 117 (там же приводится литература).

⁵⁹ См., например: Liv. 8. 32. 1; 9. 13. 1; *Caes.* B.C. II. 31. 1; *Cic. Fam.* XI. 13. 4; *Tac. Hist.* V. 16; *Herodian.* II. 10. 9; III. 6. 8.

⁶⁰ Liv. 7. 37. 2; 24. 14. 3 sqq.; *Tac. Hist.* II. 80. 4; *App.* B.C. V. 47; *Amm. Marc.* XVII. 13. 33; XXIII. 5. 25; XXVII. 6. 10.

⁶¹ Tac. Ann. I. 34. 4; silentio haec vel murmure modico audita sunt; cp. *Lucan.* Phars. I. 352.

⁶² Liv. 28. 26. 12; Tac. Ann. I. 35. 2–3; *App.* B.C. V. 47; *Dio Cass.* 42. 52. 1 sqq.; *Cic. Att.* XVI. 8. 2.

⁶³ *Махлаюк А.В.* Аустор seditionis. К характеристике военного мятежа в Древнем Риме // *Право в средневековом мире.* Сб. ст. Вып. 2–3 СПб., 2001. С. 291.

⁶⁴ Liv. 7. 12. 14; 13. 3; *Caes.* B.G. I. 41. 1–2; B.C. I. 71. 2; *Tac. Ann.* I. 19. 3–4; 26. 1; 29. 2.

войска⁶⁵. Это интереснейшее свидетельство Аммиана стоит, однако, особняком и не имеет параллелей в источниках более раннего времени. Есть также единичное указание на то, что знаком одобрения сказанного на сходке служило поднятие рук (Lucan. Phars. I. 386–387).

Необходимо далее сказать, что реакция присутствующих на сходке солдат на полководческую речь далеко не всегда оказывалась однородной и однозначной. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует пассаж из «Анналов» Тацита, передающий размышления Германика о том, как лучше узнать настроения войска. Упомянув в качестве одного из вариантов воинскую сходку, Германик отвергает ее на том основании, что «...если он созовет легионы на сходку, то что на ней скажут немногие первые, то и будет подхвачено остальными» (пер. А.С. Бобовича)⁶⁶. Возможны были и ситуации иного рода. Говоря о реакции сходки на речь Гальбы по случаю усыновления Пизона, Тацит констатирует, что слова императора с одобрением встретили лишь солдаты и офицеры, стоявшие в передних рядах, остальные же стояли молчаливые и мрачные (Hist. I. 18. 4). В рассказе Аммиана Марцеллина о провозглашении Юлиана цезарем отмечается, что когда это решение Констанция было объявлено на собрании войска, его «с невероятным ликованием одобрили все, за исключением очень немногих» (XV. 8. 15). Неудивительно, что в тех случаях, когда мнение и решение солдат приобретали первостепенное политическое значение, как это было при провозглашении императором того или другого претендента, для того чтобы добиться необходимого результата, еще до созыва сходки проводилась, чаще всего командирами, предварительная агитационная работа⁶⁷.

Надо добавить, что реакция (заранее подготовленная или спонтанная) стоявших в передних рядах офицеров и солдат⁶⁸ играла определяющую роль, поскольку только они имели возможность полностью расслышать речь, произносимую в столь многолюдном собрании, каким была даже сходка с участием одного-двух легионов. Сколь бы сильным голосом ни обладал полководец, ораторствующий на специальном возвышении (оно называлось *tribunal* или *suggestus*), а тем более обходивший или объезжавший верхом войска перед боем, вряд ли его слова внятно звучали для всей многотысячной толпы, размещавшейся на достаточно большом пространстве под открытым небом. Однако само по себе это обстоятельство отнюдь не делало *adlocutio* на воинской сходке напрасным, чисто формальным актом, так же как отсутствие средств

⁶⁵ *Amm. Marc.* XV. 8. 15: ...militares omnes horrendo fragore scuta genibus illidentes, (quod est prosperitatis indicium plenum; nam contra, cum hastis clipei feriuntur, irae documentum est et doloris)... Ср. XX. 5. 8, где, наоборот, удары копий о щиты названы знаком одобрения. См. также XXI. 5. 9 (*scutorum fragore*), XXIV. 3. 8 и XXVII. 6. 10. Одни современные комментаторы считают процитированный пассаж «*nam contra... et doloris*» глоссой, другие усматривают в противоречивом характере сведений из разных книг следствие невнимательности автора. См. *Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte / Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar* vers. von W. Seyfarth. I Teil. B., 1970. S. 254. Anm. 145.

⁶⁶ *Tac. Ann.* II. 12. 3: si contio vocetur, illic quoque quae pauci incipiant reliquos adstrepere.

⁶⁷ См. *Махлаюк. Армия Римской империи...* С. 67 (с указанием источников).

⁶⁸ А на сходке, если она была созвана обычным порядком, легионы выстраивались по когортам, манипулам и центуриям, выставляя перед строем значки подразделений (см., например: *Tac. Ann.* I. 34. 3; *Amm. Marc.* XXIII. 5. 15). Кроме того, трибунал, с которого произносилась речь, окружался когортами, составлявшими охрану полководца (*Tac. Ann.* I. 39. 5; Hist. III. 10. 7; *Amm. Marc.* XVII. 13. 25; XX. 5. 1; XXIII. 5. 15). Не нужно забывать и о том, что обычно полководец поднимался на ораторское возвышение в сопровождении свиты, состоявшей из высших военных чинов и приближенных (*App. B. C.* II. 50; IV. 89; *Amm. Marc.* XVII. 13. 25; XXVII. 6. 5), чье поведение и реакция, вероятно, также могли определенным образом влиять на восприятие речи аудиторией.

усиления звука не препятствовало произнесению речей на народных собраниях в античных республиках⁶⁹.

В эпоху гражданских войн и при смене правителей на престоле в период Империи в речах, произносимых на воинских сходках, безусловно, на первый план выдвигаются агитационно-пропагандистские политические задачи. Наверное, не будет большим преувеличением сказать, что *contiones militares* в Римской империи представляли собой едва ли не единственное место, где сохранялось реальное значение политического красноречия. Во всяком случае, по убеждению многих античных авторов, именно искусная речь, обращенная к войнам, могла коренным образом изменить и их настроения, и даже политическую ситуацию в целом. Выступление полководца на войсковой сходке эффективнее всякого силового подавления способно было положить предел яростному мятежу⁷⁰, без кровопролития, силою одного только красноречия решить вопрос о власти⁷¹. Лагерный форум или строевой плац не раз превращался, таким образом, в политический центр империи, где преторианские когорты или легионы, используя сходку как древнейшую, исконно римскую форму демократии, возводили на вершину власти новых правителей⁷². В высшей степени примечательно, что в некоторых случаях речь полководца не только сравнивается с речью, произносимой на сходке народа в Риме⁷³, но и сама *contio militum* уподобляется комициям⁷⁴.

⁶⁹ Можно предположить, что основной смысл произнесенного вполне мог быть позже передан находившимися в передних рядах тем, кто стоял позади. Вполне вероятно, что роль эту брали на себя офицеры. В подкрепление такого предположения можно сослаться на факты из практики великого русского полководца А.В. Суворова. Известно, что он не отличался сильным голосом, однако широко использовал словесные наставления и речи, иногда довольно длинные (более часа), с которыми он обращался к войскам после каждого развода, учения или смотра. Когда один из иностранцев высказал сожаление, что такими наставлениями могут воспользоваться лишь немногие, Суворов разубедил его, заявив: «Довольно и того, что передние офицеры меня услышат и поймут, вечером они передадут смысл моих слов товарищам, а завтра будет их знать вся армия». Автор этого сообщения прибавляет, что речи Суворова и в самом деле сильно интересовали солдат и служили предметом их разговоров. Частые и долгие поучения фельдмаршала, прямо обращенные к солдатам, воспринимались с чувством гордости и удовлетворения. См. *Петрушевский А.* Генералиссимус князь Суворов // Не числом, а умением! Военная система А.В. Суворова. М., 2001. С. 157–158.

⁷⁰ См., например: *Suet.* Iul. 70; *App.* В.С. II. 92–94; *Dio Cass.* 42. 52–55; *Tac. Ann.* I. 42–44; *Hist.* I. 69; *SHA. Alex. Sev.* 5. 3; 53. 10; 54. 3.

⁷¹ Особенно показательна в этом плане оценка речи императора Констанция II, после которой его соперник Ветранион вынужден был отречься от власти: «Констанций силою своего красноречия... принудил его отречься от власти... Такой успех благодаря его красноречию и милости, с тех пор как существует империя, выпал на долю ему одному. В самом деле, когда сошлись в значительной части оба войска, была проведена сходка наподобие судилища, и он добился своими словами того, чего, казалось, совсем было невозможно достичь, разве только после большого кровопролития. Этот случай показал, что красноречие имеет большое значение не только в мирное время, но и на войне, если оно покоряет своей выдержанностью и бескорыстием» (*Aur. Vict.*] *De Caes.* 42. 1–4; пер. В.С. Соколова). Силу и решающее значение этой речи подчеркивает также Юлиан в своих панегириках Констанцию (*Iulian. Or.* I. 31С–33А; II. 76D–77В). Убедительная речь едва не спасла жизнь императору Пертинаксу, когда к нему во дворец явились преторианцы, решившие с ним расправиться: он почти сумел переломить настроение большинства воинов, но все-таки был убит (*Herodian.* II. 5. 8; *SHA. Pert.* 11. 8–10).

⁷² *MacMullen R.* The Legion as a Society // *Historia.* 1984. Bd 33. Ht 4. P. 455–456.

⁷³ Ливий, к примеру, замечает в одном месте, что Эмилий Павел произнес перед воинами речь, «как будто перед народом в Риме» (44. 34. 1: *urbanae contioni convenientem orationem*; пер. О.Л. Левинской). Даже Перциний, главный зачинщик мятежа в паннонских легионах, обращается к легионерам *velut contionabundus* – «словно выступая перед народным собранием» (*Tac. Ann.* I. 17. 1).

⁷⁴ При провозглашении Валентиниана императором тот взошел на трибунал, возведенный на лагерном плаце, «как в комициях» (*progressus in campum permissusque tribunal ascendere celsius structum comitorium specie* – *Amm. Marc.* XXVI. 2. 2). Примерно столетие спустя Симмах в одной из речей назвал солдатские сходки *digna comitia imperii*, а высший командный состав армии – *senatus castrensis* (*Or.* I. 9).

Таким образом, речи полководцев на войсковых сходках и перед сражением звучали зачастую в очень острых, критических ситуациях и решали самые разнообразные задачи. Римским военачальникам приходилось общаться с очень непростой аудиторией, которой ни субординация, ни дисциплина не мешали решительно заявлять о своих требованиях и властной воле. Военному лидеру важно было знать и формировать в нужном духе настроения своих подчиненных. Ни на поле боя, ни тем более в моменты политического кризиса легионерами нельзя было просто повелевать, ибо они не только обладали реальной силой, но и оставались – также и в эпоху Империи – гражданами, которых нужно было убеждать, воодушевлять и наставлять, оперируя при этом различными жанрами и средствами ораторского искусства.

Характер солдатской аудитории, специфические функции полководческих речей, условия и обстоятельства их произнесения диктовали также и особую манеру, стилистические особенности полководческих речей. При всех индивидуальных различиях ораторских дарований и манеры отдельных военных деятелей можно, обобщая, выделить ряд характерных черт, присущих, судя по ремаркам античных авторов, военному красноречию в целом. Среди этих черт выделяются краткость⁷⁵, выразительность и простота⁷⁶, нередко сочетающиеся с суровостью и даже грубостью⁷⁷; в то же время полководческая речь отличается уверенностью и авторитетом, которые, по выражению Тацита, заменяют военному человеку красноречие⁷⁸. Властную манеру отмечает в ораторском искусстве Цезаря Фронтон⁷⁹. Простые и решительные речи перед солдатами были, по всей видимости, так же далеки от тонкостей и хитроумия форума, как и само лагерное правосудие⁸⁰.

Очевидно, что стилистический блеск и драматические эффекты полководческих речей, представленные в трудах античных историков, остаются преимущественно творением этих последних. Из трех главных задач ораторского искусства (*Cic. Brut.* 49. 185) военное красноречие на практике решало главным образом, если не исключительно, только две – *movere* и *docere* («побуждать» и «убеждать»); третья же задача – *delectare* («доставлять наслаждение») – существенного значения, по всей видимости, не имела. Признавая ис-

⁷⁵ *Liv.* 10. 24. 4: «На сходке речи были немногословны, как водится среди людей военных, верящих больше делам, чем словам» (*in contione, ut inter militares viros, et factis potius, quam dictis, fretos, pauca verba habita*). *Tac. Hist.* I. 18. 3: «На многолюдной сходке он [Гальба] с полководческой краткостью объявил...» (*apud frequentem militum contionem imperatoria brevitate... pronuntiat*).

⁷⁶ *Amm. Marc.* XX. 5. 2: Юлиан, «словно звуком труб, воздействовал [на воинов] словами намеренно простыми» (*quasi lituis verbis, ut intellegi possit, simplicibus incendebat*). *Ср.* XXV. 4. 13: *exhortatum cum simpliciter contione militum*... См. также *Polyb.* XVIII. 23. 2; *Iulian.* *Or.* II. 77A-B; *Herodian.* VII. 8. 9.

⁷⁷ *Liv.* 2. 56. 8: *rudis in militari homine lingua*; 4. 41. 1: *oratio incompta, militariter gravis*; *Tac. Ann.* I. 29. 1: *Drusus... rudis dicendi*. *Ср.* *Tac. Hist.* II. 80. 4; *Liv.* 27. 13. 1.

⁷⁸ *Tac. Ann.* XV. 26. 3 (о Корбулоне): *orditur magnifica... multa auctoritate, quae viro militari pro facundia erat*. *Ср.*, однако, ремарку Аммиана Марцеллина (XVII. 1. 2) об одной из речей Юлиана: он сумел привлечь солдат «убедительностью и дружелюбием речей» - *facundia iucunditateque sermonum*.

⁷⁹ *Front.* *Epist. ad Ver.* II. 1. 8: *Caesari facultatem dicendi video imperatoriam fuisse*. Определение *imperatoria* можно в данном контексте понимать и как «полководческая», «присущая военачальнику». Примечательно, что, по свидетельству Плутарха (*Caes.* 3. 4), сам Цезарь характеризовал своего «Антикатона» в сравнении с «Катоном» Цицерона как «слово воин» (*λόγος στρατιώτου*).

⁸⁰ *Tac. Agr.* 9. 4: *credunt plerique militaribus ingeniis subtilitatem deesse, quia severa et obtusior ac plura manu agens calliditatem fori non exerceat* – «Считают, что большинство военных людей не способно разбираться в тонкостях судопроизводства, так как чинимое в лагерях правосудие отличается простотой и решительностью и многое рубит с плеча, обходясь без дотошности и хитроумия форума» (пер. А.С. Бобовича).

художественный, литературный характер полководческих речей в античных исторических трудах, мы, однако, ни в коем случае не должны отвергать их практическую значимость в реальной действительности как средства управления войсками. Следует подчеркнуть, что и литературный дискурс, и жанровая специфика античной историографии, и идеологически значимые компоненты образа римского полководца, и реальная практика военного командования имели в древнем Риме один общий, объединяющий их момент, а именно укорененное в сознании античного человека убеждение, что ораторское слово является одним из решающих факторов, определяющих поведение и конкретные действия людей. Власть и авторитет военачальника определялись поэтому не только его военными доблестями и личной харизмой, не только военно-правовыми полномочиями и дисциплиной, но и силой его красноречия, посредством которого воспитывались войска и устанавливался особый модус взаимоотношений военного лидера и солдатской массы.

THE ROLE OF ROMAN MILITARY LEADER'S ELOQUENCE IN THE IDEOLOGY AND PRACTICE OF ROMAN MILITARY LEADERSHIP

A.V. Makhlayuk

The article is devoted to various aspects of Roman military rhetoric. The role of eloquence in military leader's activities is considered in a context of social and cultural traditions and values of the Roman civilization. This role is also analyzed in connection with the tasks and circumstances of delivering a speech addressed to the army as well as with the complex of ideological characteristics of an ideal military leader. The author opposes the opinion that the speeches addressed by the leaders to the warriors before battles (*adhortationes*, *παρακλήσεις*) are no more than a literary device used by ancient writers; he argues that these speeches, as well as the leader's speeches at military meetings (*contiones*, *adlocutiones*), were an important aspect of their office (activities). While realizing the literary tasks of the greatest part of military leaders' speeches in ancient writers' accounts, one has to acknowledge that both these author's attention to the verbal aspect of military leadership and numerous cases of a direct appraisal or specific details imply a great practical importance of the leaders' eloquence for the Roman army.

The inevitably short exhortative speeches before the battle were expected not to demonstrate the leader's rhetoric skills, but to underline his personal presence at the battle, the emotional, personable and individualized character of his allocution to different military units. As for the speeches at military meetings, they demanded greater skill and variety of rhetorical means, because they were aimed at a greater scale of tasks depending on the multiple important functions of *contio militaris* in the Roman army and political life. Unlike *hortationes* (monologues by their very nature) these speeches could acquire a character of a dialogue between military leadership and soldiers who would give an active response and set forth their own demands. For a Roman military leader it was important to be able not only to give orders, but also to persuade, to inspire and to admonish his subordinates, to know and to form their minds. Neither on the battlefield, nor at the moments of political crises and military revolts could legionaries be simply ordered, for they never ceased to be citizens, and military meeting (whose central moment was the military leader's speech) would often become a sort of *comitia* or *contiones* and took immediate decisions considering the power in the state. The character of the audience consisting of soldiers, specific functions of military leader's speeches and the circumstances of their delivering determined stylistic qualities of military leaders' speeches, often mentioned in the sources.

The literary discourse and the genre specifics of ancient historiography, the ideologically relevant elements of the figure of Roman military leader and the real practice of military commandment in ancient Rome had one thing in common: a deeply rooted conviction of an ancient man that orator's word is one the most important factors of the human conduct. Power and authority enjoyed by a military leader depended, therefore, not only on his military virtues and personal charisma, not only on his legal competence and on the military discipline, but also on the impact of his eloquence, which helped him to influence the soldiers and to establish the specific mode of relations with the mass of soldiers.